

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Репрезентация концепта «Loneliness» в романе Д.Дефо «The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe».

Феттер Светлана Анатольевна

Аспирант

НИУ "Белгородский государственный университет Институт иностранных языков
и международных отношений, Белгород, Россия

E-mail: Svetaper@yandex.ru

Дискурсивное воплощение концепта “loneliness” в художественных текстах реализуется как употребление слов и выражений, обозначающих одиночество. Специфика художественного текста заключается в том, что по своей основной функции эта разновидность текстов в максимальной степени включает личностные, нестандартные ассоциации авторов. Употребление в художественном тексте слов, вербализующих исследуемый концепт, в целом должно соответствовать принятым в английской лингвокультуре смысловым направлениям, уточняющим данный концепт, и получать ассоциативное расширение этих базовых смыслов.

В данной работе нами были выявлены и проанализированы средства репрезентации концепта “loneliness” в романе английского писателя-просветителя Даниэля Дефо (1660-1731) “The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe” («Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»).

При исследовании предметно-образного содержания примеров из текста, объективирующих концепт “loneliness”, было выявлено, что наиболее частотной по употреблению является реиморфная метафора, представленная сравнением одиночества с тюрьмой. Ощущение несвободы, заключения возникает у главного героя в связи с вынужденным одиночеством: “*For though I was indeed at large in the place, yet the island was certainly a **prison** to me, and that is the worse sense in the world*”, “*The anguish of my soul at my condition would break out upon me on a sudden, and my very heart would die within me, to think of the woods, the deserts I was in, and how I was a **prisoner, locked up** with the eternal bars and bolts of the ocean, in an uninhabited wilderness, without redemption*”.

Дополнительные содержательные аспекты исследуемого концепта позволяют определить эмоции, сопровождающие переживание одиночества.

Loneliness переживается в комплексе с такими эмоциональными состояниями, как горе, печаль: “*And here I found a fresh renewing of my **grief**, left entirely destitute of all comfort and company as I now was*”; страдание: “*I am singled out and separated, as it were, from all the world, to be **miserable***”; уныние: “*And now being about to enter into a **melancholy** relation of a scene of silent life, I shall take it from its beginning, and continue it in its order*”; ужас: “*I am cast upon a **horrible**, desolate island, void of all hope of recovery*”; благоговейный страх: “*I was afterwards, on due consideration, made sensible of my condition, how I was cast on this **dreadful** place, out of the reach of human kind*”; несчастье: “*I, whose only **affliction** was that I seemed banished from human society, that I was alone, cut off from mankind*”; хандра, уныние: “*I shall have occasion to give some remarkable instances in the remainder of my solitary residence in this **dismal** place*”.

Но одним из самых негативных факторов, сопровождающих одиночество, здесь называется тишина, обреченность на молчание, отсутствие собеседника. Именно безмол-

вие чаще всего гнетет главного героя: “*I wanted nothing that he (the dog) could fetch me, nor any company that he could make up to me; I only wanted to have him talk to me, but that would not do*”; “*I have no soul to speak to or relieve me*”; “*I, whose only affliction was that that I was alone and condemned to what I call silent life*”; “*Oh that there had been but one or two, nay, or but one soul saved out of this ship, that I might but have had one companion, one fellow-creature, to have spoken to me and to have conversed with!*”.

Также отмечаются такие отрицательные стороны одинокой жизни, как небольшая работоспособность и производительность труда одного человека: “*I have difficulties to struggle with, too great for even nature itself to support, and no assistance, no help*”; “*To this short time allowed for labour I desire may be added the exceeding laboriousness of my work; the many hours which, for want of tools, want of help, everything I did took up out of my time*”; “*If I had had hands to have refitted her, and to have launched her into the water, the boat would have done well enough*”; и отсутствие помощи в случае болезни и немощи: “*I have none to help or hear me moaning*”; “*Lord, what a miserable creature am I! If I should be sick, I shall certainly die for want of help*”.

Однако одиночество оценивается иначе, когда герою угрожает гибель на утлой лодке в открытом океане. Он вспоминает время своего «заточения» как счастливый, спокойный период и при виде острова восклицает: “*O happy desert!*”. К переоценке одиночества герой приходит и рассуждая о судьбах своих товарищей, окончивших свои дни в пучине океана: “*I was very pensive upon the subject of my present condition, when reason, as it were, expostulated with me the other way, thus: "Well, you are in a desolate condition, it is true; but, pray remember, where are the rest of you?"*”. Со временем вынужденное уединение на острове герой начинает воспринимать как предначертанное свыше возмездие за грехи прошлого: “*I had great reason to consider it as a determination of Heaven, that in this desolate place, and in this desolate manner, I should end my life*”.

Но, как свидетельствуют примеры, одиночество имеет и положительные стороны. Уединение представляется как средство искупления грехов: “*Now I looked back upon my past life with such horror, and my sins appeared so dreadful, that my soul sought nothing of God but deliverance from the load of guilt that bore down all my comfort. As for my solitary life, it was nothing*”; удаленность от пороков и соблазнов общества очищает человеческую душу: “*In the first place, I was removed from all the wickedness of the world here; here I had neither the lusts of the flesh, the lusts of the eye, nor the pride of life*”; одиночество делает человека более вдумчивым, помогает разобраться в своих мыслях, обращает человека к Богу: “*Thus I lived mighty comfortably, my mind being entirely composed by resigning myself to the will of God, and throwing myself wholly upon the disposal of His providence*”; “*In this government of my temper I remained near a year; and lived a very sedate, retired life; and my thoughts being very much composed as to my condition, and fully comforted in resigning myself to the dispositions of Providence*”; “*I forgot not to lift up my heart in thankfulness to Heaven; and what heart could forbear to bless Him, who had in a miraculous manner provided for me in such a wilderness*”.

Также отмечается, что в одиночестве, при отсутствии соперничества, у человека возникает ощущение безграничной, неоспоримой, абсолютной власти. Главный герой романа часто называет себя императором, властелином своего острова: “*This was all my own; I was king and lord of all this country indefensibly, and had a right of possession*”; “*I was lord of the whole manor; or, if I pleased, I might call myself king or emperor over the*”.

whole country which I had possession of: there were no rivals; I had no competitor, none to dispute sovereignty or command with me”; “There was my majesty the prince and lord of the whole island; I had the lives of all my subjects at my absolute command; I could hang, draw, give liberty, and take it away, and no rebels among all my subjects”.

В целом одиночество представляется как состояние более предпочтительное, чем греховная, порочная жизнь в обществе. Но, в то же время, отмечается, что несмотря на комфортные условия существования, спокойствие и размеренность уединенной жизни, человек не может ощущать полноценного счастья вне общения с другими людьми: “ *I thought I lived really very happily in all things except that of society*”; “ *Neither could I be said to want anything but society*”; “ *I felt so earnest, so strong a desire after the society of my fellow-creatures and so deep a regret at the want of it!*”.

Литература

1. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. (2003) Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. - М.: «Азбуковник», 2003. - С. 263–275.
2. Москвин В.П. (1997) - Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова СУДЬБА). Лексикографический аспект. Волгоград. 1997.
3. Подзолкова Н.В. (2005) Концепт "Одиночество" в немецкой и русской лингвокультурах: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, Волгоградский гос. пед. ун-т; науч. рук. Н.А.Красавский. - Волгоград, 2005.
4. George Lakoff. Mark Johnson. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980 (с. 3-32).
5. J. Cavell S. (1969) *Must We Mean What We Say?* New-York, Scribner's, 1969.